

Лэ Юй сказал:

— Девушка, это так.

Цзи Юйху продолжила:

— Я знала, что отец собирается продать меня — кому-нибудь в наложницы. Поэтому я сказала ему: если уж продавать, то лучше в столицу, там и цена будет выше. Слышала, что супруга наследного принца — женщина милосердная, да и живёт в уединении, поправляя здоровье. Тогда я сбежала ночью к Двору Весенних Ароматов и изо всех сил умоляла стражников, служанок... умоляла супругу наследного принца оставить меня. Готова была быть рабыней, прислуживать ей всю жизнь.

Она сказала:

— Я и вправду человек холодный и одинокий. Я лишь хочу прожить свою жизнь чисто — прийти в этот мир чистой и уйти чистой. Хочу, чтобы я, женщина, прошла по этому миру незапятнанной, не осквернённой грязью мужских распрей за славу и выгоду. Не будь во мне этой гордыни, этого стремления к самой редкой в мире чистоте, мне бы не пришлось так страдать. Во мне есть мелкая хитрость, но нет истинной мудрости. Поэтому я и молюсь, чтобы мой ребёнок был попроще, без болезней и невзгод, в достатке и тепле.

Когда те двое закончили трапезу, слуга отнёс посуду и коробки из-под еды на стойку — там их заберут люди из «Цзиньгуйлоу». Бухгалтер У Цай был человеком незаурядным, но имя его было плебейским. Закончив подсчёты, он, дождавшись, когда в зале никого не останется, приподнял крышку одной из коробок.

Три блюда. Можно было разобрать лишь рыбу, тарелку с лотосом и пиалу, из которой отпили половину. На поверхности супа не было ни капли жира, лишь лёгкий аромат целебных трав.

В Учэне много гор, но нет крупных водоёмов. Свежая рыба и озёрный лотос — не та еда, что доступна простым людям каждый день.

Он не стал размышлять над этим. С наступлением ночи, заперев двери трактира, он сначала попрактиковался в каллиграфии, а затем снова принялся бросать кости. В трактире часто собирались на такие игры, и все любили играть с бухгалтером У Цаем — он проигрывал девять раз из десяти. Его месячное жалованье утекало на ставки. Видимо, имя обрекало: У Цай — «Пять Богатств», а на деле — ни одного.

Повар сгрёб перед собой медяки и хрипло буркнул:

— Говорю тебе, за все эти годы ты ни разу не выиграл по-крупному! Брось ты это! Копи денежки, возьми себе жену, роди толстенького сыночка — вот и устроишь свою жизнь...

У Цай сидел на пороге напротив него. Когда тот, ворча, ушёл, он вдруг услышал за спиной голос:

— Я сыграю с тобой.

Горы были высоки, луна мала, её свет струился призрачно. Из освещённого свечами зала вытянулась длинная тень. Высокий мужчина, скрестив руки, приближался. Это был тот самый гость, назвавшийся его тёзкой.

У Цай почувствовал: даже в ночной темноте этот человек был подобен орлу или тигру, вызывая в нём почтительный страх. Он тихо проговорил:

— Уважаемый гость, у меня нет денег, чтобы играть с вами.

Он уже хотел развернуться и уйти, но его руку схватили, и он не мог пошевелинуться. У Цая сковало, будто на него навалилась тысячепудовая тяжесть. А мужчина меж тем без усилий разжал его ладонь и вытащил одну за другой игральные кости, впившиеся в плоть.

— Я сыграю с тобой на это.

Между его пальцев блеснула медная монета. У Цай взглянул на него, и внезапная отчаянная смелость поднялась в его груди.

— Хорошо! Сыграем! Будем бросать кости!

Он торопливо схватил чайную пиалу, чтобы использовать её как стакан, потрянул пару раз и уже собирался открыть. Его руку вдруг пронзила боль — и стакан с костями оказался в руке у того мужчины. Тот накрыл его рукой.

— Что выбросил?

У Цай был взвинчен.

— Три, четыре, четыре.

Мужчина сказал:

— Три, три, четыре.

Он поднял руку, приоткрыл стакан — и там действительно лежали три, три, четыре.

Лицо У Цая оставалось относительно спокойным. Мужчина встряхнул стакан.

— В Западном Юэ есть игорный дом «Золотая Долина». Я чуть не проиграл там хозяину десять тысяч лян и руку. Потом мы сошлись. Он сказал мне: чтобы выигрывать в азартных играх, нужно три вещи.

У Цай молчал. Мужчина продолжил:

— Первое — отвага. Второе — терпение.

Только тогда У Цай спросил:

— А третье?

Мужчина ответил:

— Третье — удача.

У Цай стиснул зубы.

— Не верю, что мне всю жизнь будет не везти!

Мужчина рассмеялся, открыл стакан. На костях — три, три, три. Ровно на очко меньше, чем у У Цая.

— Я и есть твоя удача.

У Цай уставился на кости, на лбу у него выступил пот. На стол упала медная монета. Мужчина сказал:

— Двадцать лет вкладывать силы в искусство, которое в этом захолустье не способен оценить никто — это твоя победа. В твоих штрихах — жемчужина, что стоит тысячи золотых. Ей не должно пропадать. Если у тебя ещё хватит духу рискнуть — в течение десяти дней отправляйся в Чжэчжоу, найди хозяина мастерской «Цзиньсю» по фамилии Ду и отдай ему эту монету.

На следующее утро, прежде чем та пара покинула постоянный двор, бухгалтер уже собрал свои немногие пожитки — пару одежд, письменные принадлежности. Не взяв ни гроша из месячного жалованья, он вышел из города, едва открылись ворота.

Шестнадцатый день восьмой луны, день благоприятный. Столица Южной Чу была украшена фонарями и красными лентами. Месяцем ранее, вскоре после того как Сяо Шанли был провозглашён наследным принцем, император Чу совершил над ним обряд совершеннолетия. В семнадцать лет он получил головной убор взрослого мужчины, а после этого можно было справлять и свадьбу — в этот самый день принцесса Яньцин из Восточного У выходила замуж за наследного принца Южной Чу, становясь его главной супругой. Двор ликовал, император Чу издал указ об освобождении столичной области от налогов на три года и лично преподнёб молодожёнам собственноручно написанные пожелания: «Прекрасный сын, прекрасная невеста».

В эту ночь ярко горели красные свадебные свечи. Сто служанок из Восточного У, всё ещё в придворных нарядах У, в красных платьях и с цветочными украшениями в волосах, стояли на коленях по обеим сторонам длинной галереи. Их лица, подобные цветам персика, мерцали в свете, золотые шпильки поблёскивали. Сяо Шанли, поддерживаемый служанками, медленно шествовал. Он выпил вино, поднесённое императором Чу, и ответил на тосты высших сановников — силы были уже на исходе. Кожа его порозовела, глаза словно налились влагой. Повязка, скрывавшая красное пятно на лбу, была усыпана самоцветами, и сияние драгоценностей оттеняло его необычайную, почти болезненную красоту — словно лицо, омытое румянами, но при этом величавое и неприкосновенное.

В конце галереи находились створки дверей, затянутые алым шёлком. Из-за него лился тёплый свет. В фитили свечей были подмешаны благовония, и к этому времени воздух уже был густым и пряным. Сяо Шанли толкнул дверь ногой. Снова поклоны служанок. Они сняли с него

верхние одежды, убрали украшенную драгоценностями налобную повязку — и их взоры затуманились. Красное пятно в центре лба было подобно капле запёкшейся крови. Сяо Шанли обернулся:

— Все, выйдите.

Служанки переглянулись. Увидев, что принцесса в полном свадебном облачении неподвижно сидит при свете ламп, они поспешно ретировались. Сяо Шанли в одиночестве сидел за столом и уже собирался поднять кувшин, как услышал лёгкий звон нефритовых подвесок, позвякивание золотых шпилек. Принцесса Яньцинь приблизилась величественной поступью. Жемчужные заколки, шпильки с фениксами — ослепительная красота. Её белые, как нефрит, руки подняли золотой кувшин. Она налила ему чашу, затем себе, подняла бокал:

— Ныне обряд свершился. Я и Ваше Высочество — муж и жена, но также гость и хозяин, подданный и государь.

Сяо Шанли также осушил свою чашу.

— Раз уж мы с принцессой заключили договор о трёх правилах, я не отступлю от него. Пока я жив, я не подведу ни принцессу, ни Циньчжоу.

Тянь Мими мягко улыбнулась, налила ещё одну чашу:

— Эту чашу — в благодарность Вашему Высочеству за помощь в получении титула.

Тянь Мими была родной сестрой императора У. Перед замужеством ей полагалось пожаловать титул старшей принцессы. Однако из-за её... щекотливой истории происхождения, а также из-за приданого в виде Циньчжоу, её брат, император У, испытывал к ней опасения и после восшествия на престол не стал возводить её в ранг старшей принцессы, оставив прежний титул. Перед свадьбой Тянь Мими отправила императору У послание, где изящно изложила: хотя она и сестра императора, но отправляется в одиночестве в дальние края, и если брат не одарит её высоким титулом, она может быть унижена в Южной Чу.

Сяо Шанли также дал указания посланникам Южной Чу в Восточном У добиться аудиенции у императора У и, ссылаясь на государственные интересы, убедить того пожаловать принцессе Яньцинь более высокий титул. В итоге, перед свадьбой, император У, вынужденный обстоятельствами, был обязан возвести свою сестру в ранг старшей принцессы Яньцинь, дать ей в приданое Циньчжоу и расширить её владения.

Сяо Шанли сказал:

— Если принцесса и я объединим усилия, нам не будет равных.

Тянь Мими приняла серьёзный вид:

— Третья чаша. Поскольку мы с Вашим Высочеством — муж и жена, государь и подданный, прошу вас сказать мне прямо: ограничиваются ли ваши устремления лишь разделом Западного Юэ с Восточным У?

Сяо Шанли спокойно ответил:

— Тогда позвольте мне сначала спросить принцессу: что ближе — муж и жена или брат и сестра?

Выражение лица Тянь Мими слегка изменилось, но она улыбнулась:

— В императорской семье нет отцов, дочерей, братьев или сестёр. Муж и жена — одно целое. Конечно, муж и жена ближе.

Выслушав её, Сяо Шанли выпил третью чашу и, повернув к ней пустой бокал, сказал:

— Если принцесса столь проницательна, зачем мне лишние слова? Каким бы ни стало моё будущее достояние, принцесса навеки останется моей первой супругой, моей императрицей, восседающей в центральном дворце, матерью всей Поднебесной.

Эта прекрасная пара не совершила обряд соединения чаш. Лишь три бокала вина и несколько слов определили их статус на всю жизнь, и они возлегли на одно брачное ложе. На следующее утро, когда принцесса совершала утренний туалет, её окружили служанки. По чьему-то приказу пригласили госпожу Не. Увидев в бронзовом зеркале, что причёска той уже сменилась на замужнюю, Не Фэйлуань смотрела-смотрела — и вдруг слёзы покатались по её щекам.

Тянь Мими опешила, отослала служанок, взяла её за руку и с чувством вины произнесла:

— Сестра... Хотя я и не разделила ложе с наследным принцем, в этом деле я перед тобой виновата. Не будь я так эгоистична, я не заставила бы тебя быть рядом, видеть то, что причиняет тебе боль.

<http://bllate.org/book/15272/1348119>